

Еричев Александр Александрович

ВОЛШЕБНАЯ ОПЕРА

16+

Александр Александрович Еричев

Волшебная опера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63457081

SelfPub; 2020

Аннотация

Чтобы вас считали гением, мало просто быть таковым. Необходимо подтвердить это, заявить о себе, предоставить на суд общественности нечто гениальное. Герберт придумал новое изобретение, которое навсегда вписало бы его имя в историю. Но тёмные желания поработили его душу, когда он приобрёл себе раба. Мальчишка не имел понятия, в какую жестокую игру с ним играет хозяин. Но ничто не может продолжаться вечно...

Александр Еричев

Волшебная опера

Кажется, это было всё-таки осуществимо.

Герберт фон Гойзнер ощущал лёгкий внутренний трепет и душевный подъём, сравнимый разве что с тем, когда он составлял удачную партитуру для своей новой оперы. Но то, что родилось у него в голове, было чем-то безусловно необыкновенным. Наверное, Жозеф Плато чувствовал нечто такое же, когда придумал своего «обманщика зрения». Но то была лишь персистенция, незаурядная инерция человеческого зрения, общеизвестная ещё в Китае. А ведь фенакистископ Плато, по сути своей, был трансформацией дедалеума китайского образца 180-го года нашей эры, который был изобретён Дин Хуанем. Но мировое сообщество считало дедалеум наследником, а не прародителем. Герберту думалось, что Уильяма Джорджа Горнера это мало беспокоило, ведь именно он, а не китаец древности, известен миру, как человек, придумавший это устройство.

В свою очередь его изобретение, находящееся сейчас лишь в стадии выдумки, будет куда более грандиозным и сумеет оживить его произведения, наполнив их тем самым волшебством, какое сам он всегда видел в них.

Герберт размышлял об этом, пока его прекрасная жена Элизабет стонала под ним. Да, он считал её настоящей кра-

савицей, к тому же благовоспитанность Элиз ему импонировала с самого момента их знакомства в Париже, на той самой премьере балета «Сильфида» в Гранд-Опере, когда неподражаемая Мария Тальони исполнила немыслимый танец на пальцах ног. Однако консервативность жены его утомляла. Он исполнял свой супружеский долг без энтузиазма и настоящего желания, лишь имитируя и то, и другое, буквально принуждая себя к эякуляции. Они были женаты уже три года, и каждый день последнего из них он задавался вопросом, как же он решился на такую глупость?

Наконец, всё было закончено, и Герберт повалился рядом с супругой, закрыв глаза и чувствуя невыносимое отвращение к Элиз, которая тут же прильнула к нему и нежно поцеловала в щёку.

– По милости Божьей, этот акт любви принесёт нам с тобой дитя, мой любимый муж.

Она всякий раз уповала на вымышленного бога, прекрасно зная его отношение к этому вопросу. Сам Герберт был человеком науки, верящим в силу только лишь сознания и воображения. И пусть многие светские прогрессивные изобретатели и учёные не ставили его с собой в один ряд, он считал себя к ним принадлежащим, потому что создание столь безукоризненных партитур, какие производил он и по которым ставились производящие фурор оперы, требовало действительно высокого интеллекта и гибкости ума. А когда он изобретёт то, что придумал недавно, то всем придётся при-

знать его уже как выдающегося многогранного гения.

– Герби?

Он не смог сдержать вздох разочарования.

– Что случилось, Элизабет?

Она помолчала. Потом задала вопрос, ответа на который он не знал:

– Ты любишь меня?

Он хотел сказать ей, что любит только то, что делает, любит ноты и то, как они образуют цельное произведение, любит и то, как готовое произведение воздействует на слушателей во всех уголках культурного мира, навсегда прописывая его имя в анналы истории. Но разве женщина способна понять это? И разве она это хочет услышать?

Ему казалось, что он никогда никого и не любил. Ни родителей, которые души в нём не чаяли и дали ему лучшее образование, на которое он мог только надеяться. Ни друзей, имена многих из которых он даже не сразу мог вспомнить. Ни жену, по дурасти своей на которой однажды женился.

– Я уважаю тебя, Элизабет. И мне льстит то, что могу представлять тебя людям, как свою супругу.

Видимо, ответ её устроил, раз она продолжала лежать так, как и лежала, положив ладонь ему на грудь.

– Ты точно хочешь отправиться со мной? Не буду ли я тебе обузой?

Она говорила об их плане побывать в далёкой Бразилии, куда его пригласили скучающие управленцы из регентско-

го совета, уроженцы Португалии, желающие вновь ощутить вкус Старого Света. А ведь ничто так его не передаёт, как отличная опера. И нет, он предпочёл бы отправиться один, но светское общество этого не поймёт, а ему не хотелось становиться жертвой сплетен и судачеств, способных подпортить ему репутацию.

– Нет, Элизабет, ты станешь моей путеводной звездой и берегом в этом путешествии.

Она поцеловала его в плечо.

Он мало помнил само путешествие. Отчётливым в памяти оставалось только колыхание волн и нескончаемость происходящего.

Теперь его звали Жан. У него наконец-то появилось собственное имя, которое ему дал его новый хозяин. Не то, чтобы ему оно было нужно, ведь предыдущий называл его просто мальчиком, но собственное имя, лишь своё, согрело его изнутри.

– Жан. – он вновь произнёс это имя, смакуя его мягкость и необыкновенность. Там, где он рос, такого имени не было. Во всяком случае, сам Жан никогда его не слышал.

– Жан.

Мальчик улыбнулся. Уже давно взошло солнце, а он всё ещё был в постели. Жан привык просыпаться до рассвета, вместе с остальными, ведь иначе мог заработать несколько

плетей или что похуже. Например, остаться без еды или воды на весь день. И первое время здесь он вскакивал с постели, одевался и бежал во двор, чтобы с удивлением обнаружить его пустым. Потом хозяин сообщил ему, что здесь нет плантации, нет скота, и пока нет никакого хозяйства. Этот большой дом, который назывался помещьем, совсем недавно был приобретён и ещё не был обжит. Во всяком случае, это были слова хозяина, а что они означали, мальчик не совсем понимал. Одно он усвоил – он может спать утром, не боясь наказания.

– Жан. – он аж причмокнул от удовольствия.

На новом месте он впервые спал один в отдельной комнате, в которой больше никого не было, даже крыс или куриц. И это вселяло в него тревогу, объяснение которой он не мог найти. Но также он впервые спал на настоящей постели. Жан даже представить не мог, что бывают такие мягкие лежанки. Он будто утонул в ней. Это обстоятельство очень помогло ему в скором времени одолеть тревогу. Постель и тишина. Тишина ночи убаюкивала его, ведь он мог слышать своё дыхание и своё сердце, и ничего более. В стенах комнаты не было щелей, они были обклеены какой-то красивой бумагой, а окна, которых было даже два, будучи закрытыми, магическим образом отсекали звуки ветра и пение птиц.

Жан решил, что его новый хозяин – колдун. Однажды он слышал, как старый раб, который жил с ним в одном сарае, рассказывал остальным о том, что в его племени на далёкой

земле, откуда он был родом, могущественные колдуны способны проклясть любого и становиться невидимыми, управлять погодой и подчинять львов (таких огромных страшных хищников с острыми зубами и когтями, покрытых золотой шерстью). Мальчик живо рисовал в уме родину этого мужчины, единственного седого раба среди них, чья спина являла собой один большой шрам. Он видел перед мысленным взором прекрасные долины, где люди поклонялись колдунам, которые жили в больших домах и убивали львов одним своим словом. Конечно же, те львы, которых он себе представлял, не имели ничего общего с реальным образом этого хищника, ведь сам мальчик никогда и не видел живого льва, а пространное описание старика не могло дать ему понятную картину.

Но его новый хозяин уж очень был похож на колдуна. Во-первых, он отличался цветом кожи от всех, кого Жан видел прежде. Она была цветом молока. Во-вторых, он привёз его через большую воду на далёкую землю, на которой всё было иначе. В-третьих, дом хозяина был не просто большим, он был огромным. Мальчик не решался гулять по нему, хотя ему это не запрещалось. За те несколько дней, что он жил здесь, он изучил только кухню, столовую, свою комнату и хозяйственную пристройку, в которой хранилась различная утварь и инструменты.

Жан поднялся с постели и потянулся, зевнув. Подойдя к окну, он взобрался на подоконник и обомлел от представше-

го его глазам зрелища. Его сердце сжалось от страха, он не понимал, что произошло с миром. Там, за окном, всё внезапно побелело.

– А, ты уже встал! Отрадно это видеть! – голос хозяина застал его врасплох, и он чуть было не упал на пол. Соскочив с подоконника, мальчик выпрямился в струнку и испуганно смотрел на своего господина.

– Жан, мой мальчик, тебе не следует бояться меня. Отныне ты – часть этого дома, этого мира, часть моей жизни и часть меня, как следствие.

Хозяин подошёл ближе к нему и сел на корточки напротив. Когда он протянул руку, Жан зажмурился, ожидая, что тот ударит его по голове, но вместо этого господин взъерошил ему волосы.

– Настанет день, когда ты перестанешь бояться, обещаю тебе, Жан. – он поднялся и взял мальчика за руку. – Пойдём, я покажу тебе кое-что волшебное.

Жан весь внутренне напрягся, но, конечно же, сопротивляться не стал. Всё-таки хозяин был колдуном. Страх перемежался с трепетом в его душе, ведь сейчас он увидит что-то магическое.

Они вышли во двор. Непривычно холодный воздух щипал нос и щёки, пронзая множеством невидимых иголок каждый участок кожи мальчика, неприкрытый одеждой. Какая-то белая пыль падала с неба, сверкая на солнце.

Жан сделал шаг за порог следом за своим господином и

услышал, как под ногой что-то хрустнуло. Он испуганно отскочил назад, вырвав свою руку из ладони колдуна.

– Смелее, мой мальчик! Это всего лишь снег.

Жан собрал свою волю в кулак и снова шагнул за порог. Мягкий хруст под ногой повторился. И каждый новый шаг сопровождался им.

– Возьми его в руки и скатай в шарик, вот так... – хозяин наклонился, собрал белую пыль руками и, выпрямившись, показал, как сделать из неё шар, сжимая и разжимая ладони. – Попробуй!

Мальчик повторил действия господина, боясь его подвести. Пальцы жёг холод, пыль, к его удивлению, легко собиралась в плотный шарик. И превращалась в воду.

– Молодец! А теперь брось его вон в то дерево! – и сам метнул шарик в стоявший неподалёку раскидистый дуб. Снежный шар впечатался в ствол дуба с глухим стуком.

Жан восторженно наблюдал за происходящим, затем размахнулся и бросил свой шарик следом, но промазал, и тот, пролетев мимо, упал в белую пыль сбоку от него. Мальчик с ужасом поглядел на господина, ожидая наказания за свою неудачу.

– Ничего страшного! В следующий раз попадёшь. Ну, а пока пойдём внутрь, такому малышу не стоит быть подолгу на улице в такой холод.

Они вернулись в дом.

Герберта никак не отпускали две мысли. О его изобретении, идею которого он всё ещё держал в голове, несмотря на все те разительные изменения, что произошли в его жизни.

И Жан.

В прогрессивной Европе рабовладение порицалось светским обществом, в отличие от далёкой Бразилии, где за пригоршню монет можно было купить человеческую жизнь. Тамашняя элита непринуждённо делилась интересными случаями и забавными с их точки зрения ситуациями, происходившими на их плантациях. То неудачный побег, то непонятливость рабов, то изошрённость наказаний.

Но самые интересные беседы начинались, когда утомлённые дамы расходились по домам, оставляя своих мужей одних, побыть, что называется, в мужском обществе. Во время одного из таких разговоров в нём и зародилась идея купить себе раба. Он жадно слушал рассказываемые приглушённым голосом истории о том, как господа развлекаются с рабынями, к каким извращениям тех принуждают, не слыша в ответ и намёка на отказ.

– Это вам не с женой возлежать, уважаемые. – заметил тогда один весьма габаритный плантатор.

Никто и подумать не смел назвать это чем-то ужасным или греховным, ведь то было обыкновенное использование собственности, не более того. Были и те в их кругу, кто не брез-

говал содомировать своих негров-мужчин. И даже использовать для своих плотских утех малолетних детей. Один господин, смеясь, поведал собравшимся, что они с женой любят взять с собой в постель маленькую девочку лет шести. Его супругу очень заводило то, что они с ней там вытворяли.

Герберта разрывали противоречивые чувства, когда он был слушателем этих бесед, ведь будучи высокообразованным, он знал нормы морали... Но по эту сторону океана многое было иначе. Каждый раз после таких собраний он не мог уснуть и долго ворочался, представляя всё то, о чём услышал, пытаясь понять, каково это – буквально владеть кем-либо, делая с ним всё, что только вздумается. Пока его жену не забрала внезапная хворь, вызванная укусом какого-то насекомого, он всякий раз набрасывался на неё после таких встреч, яростно занимаясь любовью с Элизабет, к удовольствию последней, которая до последнего грезилась об их совместном дитя.

Смерть супруги окончательно склонила Герберта к покупке собственного раба. Один из господ любезно предложил ему выбрать из собственного хозяйства, которым владел, любого негра, да ещё и в полцены. В качестве соболезнования высокому гостю его тяжёлой утрате.

Сначала он думал взять себе девочку, которая обладала особенно угольной кожей и большими испуганными глазами. Он тут же представил, как та будет расти, грея его постель, чему он её научит, на что она будет идти добровольно

и безропотно... Но следом явились мысли, мигом испортившие идиллическую фантазию седеющего композитора – как эта девочка будет кровоточить каждый месяц, или если она вдруг понесёт, что было весьма частым явлением.

Объяснив свои страхи имперскому другу, Герберт получил другое предложение, поначалу показавшееся ему диким. Ему было предложено взять мальчика лет пяти. По словам хозяина, с таким рабом можно делать всё то же самое, что и с женской особью, с небольшим ограничением возможностей... Но и с уменьшением всех возможных рисков.

Мальчик точно не понесёт от него.

Но чтобы он оставался всё той же безропотной игрушкой, Герберту придётся хорошенько обработать мальчика психологически. И он придумал уже, как это сделать.

Во-первых, необходимо было изолировать того от внешнего мира, совершенно лишив контактов с кем-либо извне. Это позволит самому Герберту оставаться авторитетом, другом, единственным близким человеком для Жана на протяжении многих лет. Во-вторых, была нужна легенда, которая основательно укоренится в ещё неокрепшем сознании ребёнка, и в которую он будет безоговорочно верить всю жизнь. И, в-третьих, самое важное, необходимо было как-то объяснить всё то, что он собирался делать с ним, как мужчина.

И на все эти вопросы Герберт уже нашёл решение.

Однажды вечером он вошёл в комнату Жана. Мальчик си-

дел у окна на подоконнике и смотрел во все глаза на улицу, даже не заметив то, как вошёл его хозяин, пока не скрипнула одна из половиц. Тогда ребёнок моментально соскочил с окна и вновь встал перед Гербертом, вытянувшись и напрягшись, как он всегда делал при его появлении.

– Жан, я должен тебе кое-что поведать, мой милый мальчик. Настало время тебе узнать, кто ты и зачем ты здесь. Присядь рядом со мной. – он сел на кровать и похлопал ладонью по месту рядом с собой. Мальчик выполнил просьбу.

– Ты необычный ребёнок, Жан. Совсем не такой, как все. – Герберт помолчал. – Я привёз тебя сюда, потому что это волшебное место. Ты же знаешь, что такое волшебство?

Мальчик кивнул. Было видно, что он услышал то, о чём сам догадывался.

– Замечательно! Но есть то, чего ты не знаешь. Прежний господин отдал тебя мне, чтобы я привёз тебя, Жан, в это волшебное место и спас. Только здесь тебе не угрожает гибель.

Ребёнок смотрел во все глаза на хозяина, и в его взгляде читался ужас.

– Да, к несчастью, это истинная правда, мой милый мальчик. Ведь ты – принц, который был проклят злым колдуном, ещё будучи во чреве своей матери. Стоит тебе оказаться за оградой моих владений, как ты тут же обернёшься чудовищем и погибнешь.

Жан молча плакал. Его потрясла ложь Герберта, но тот

уже не мог остановиться. Он хотел овладеть своим рабом, не беспокоясь о его взрослении и опасностях, которое то может сулить ему самому. Вера ребёнка была подобна кристаллу соли – стоит опустить на леске маленький кристаллик в раствор соли, дать нужные условия, подождать, и он разрастётся в разы.

Начало процесса было положено, осталось только каждый день напоминать Жану об этом, чтобы ребёнок отпечатал эту информацию на всех уровнях своего мышления.

Хозяин оказался не плохим колдуном, как он изначально подумал, а наоборот – добрым, ведь он привёз его к себе в далёкие земли, чтобы спасти.

Жану нравилось знать, что он не какой-то обычный мальчик. Он был рождён принцем, проклятым и зачарованным. Как ему сказал хозяин, принц – наследник короля, а король – очень влиятельный человек, и такое родство всегда опасно. Особенно если ты можешь превратиться в чудовище в любой момент.

Каждый день он жадно слушал господина, всё больше доверяясь ему. Тот не бил его и не наказывал, а только мягко обнимал за плечи. Хозяин многому его учил и раскрывал перед ним тайны этого волшебного места. Например, однажды он подвёл его к большим красивым часам, стоявшим в

гостиной, и попросил закрыть глаза. А когда Жан сделал то, что от него требовалось, хозяин велел ему слушать. И мальчик слушал. Часы мерно тикали, успокаивая и убаюкивая.

– Эти часы тоже заколдованные. Ведь в них живёт душа одного моего старого друга. Если тебе будет одиноко, мой милый Жан, приходи к этим часам и слушай, слушай то, о чём тебе они поведают. Позже я тебе покажу, как нужно заботиться о них и заводить механизм, чтобы часы не остановились. Ведь если они остановятся, то душа, заточённая в них, будет страдать.

Оказалось, что в огромном доме хозяина были и другие заколдованные друзья. Например, когда они оказались в заснеженном сейчас саду рядом с домом, мальчик слушал, как иногда поскрипывали ветки высоких дубов, словно сварливые старики переговаривались. А в комнате наверху, которую господин назвал кабинетом, ему довелось услышать прекрасные звуки фортепьяно – зачарованной подруги хозяина, которая прекрасно пела, когда он касался её.

Жану нравилось быть частью этого волшебного мира. И пусть весь остальной мир был ему закрыт, его это несколько не тяготило. У него появилось много зачарованных друзей, за которыми он теперь ухаживал и заботился.

Хозяин сказал ему, что теперь, чтобы оставаться в человеческом облике, и чтобы магия этого дома защищала его, придётся проводить колдовской ритуал. Он не вдавался в подробности, потому мальчик смутно представлял себе, че-

го ожидать, и боялся этого. Ему хотелось быть здесь, быть рядом с друзьями, и он точно не хотел умирать, ведь только-только начал по-настоящему жить.

Но одно он знал точно – господин не даст ему обратиться в чудовище и погибнуть. Жан верил ему без малейших сомнений и уважал. И да, любил, как только может любить ребёнок – чистой и беззаветной любовью.

Потому, когда прошла ещё одна неделя, за которую он научился тому, как поддерживать порядок в доме и помогать своим новым друзьям, когда хозяин сказал, что пора, Жан безропотно пошёл за ним. Мальчик боялся, но делал всё, что от него требовалось.

Ритуал проводился в большой хозяйской спальне. Окна были занавешены плотными шторами, погружая всю комнату в темноту, которая была бы непроглядной, если бы не несколько свечей, расставленных в ней. Неверный свет от них играл тенями предметов интерьера, создавая иллюзию какой-то странной жизни, неуловимой взглядом ребёнка, но таинственно-зловещей.

Хозяин велел раздеться, а затем завязал ему глаза. Что было потом, мальчику было сложно описать. Он запомнил боль, которая пронзила ему весь низ тела, когда что-то протыкало его. Запомнил сбивчивое дыхание господина, который что-то шептал ему в ухо, не переставая, на чуждом Жану языке. И то, как всё неожиданно кончилось, когда ему уже казалось, что он не сможет больше вытерпеть.

– Ты молодец, мой мальчик, ты справился... – хозяин погладил его по голове и снял повязку. – Теперь ты в безопасности, проклятье отступило. Оденься и принеси мне воды, будь добр.

Жан поспешил исполнить пожелание господина, хотя каждый шаг давался ему болью. Он был рад, что сможет остаться здесь. Остаться человеком.

Получилось.

Герберт фон Гойзнер воплотил свой замысел в жизнь. И это дало ему не только удовлетворение желаний плоти, но и вселило уверенность в том, что всё осуществимо. Даже его изобретение, которое он всё ещё лелеял в уме.

С Жаном всё прошло как нельзя лучше. Пройдёт время, и он сможет быть с мальчиком, не завязывая тому глаз. И принуждая того к большему, прикрывая нововведения необходимостью усовершенствовать ритуал, внушая ребёнку, что необходимо и самому стараться ради себя.

Да, где-то в глубине своего существа Герберт чувствовал стыд и вину за свои действия, но он успокаивал себя тем, что дал мальчику куда лучшие условия жизни, чем большинство чернокожих детей когда-либо получают. Он спас его от участи умереть в юношеском возрасте от плетей и непосильного рабского труда, ведь срок годности, если можно так выра-

зиться, одного негра при полной рабочей нагрузке составлял около семи лет.

Вместе с именем Жан получил саму жизнь. И если за это ему придётся расплачиваться телом с хозяином, даже не имея понятия об этом, то так тому и быть. В конце концов, рабовладельцы Бразилии не церемонились бы с ним, не стали бы оберегать детскую психику или мужскую гордость, если бы вдруг решили использовать мальчонку для утех. А Герберт был аккуратен и заботлив. И умён.

В столь юном возрасте Жан не способен был идентифицировать подобные действия ни как греховные или порочные, ни как эротические в принципе. А потому он будет верить лишь в то, что ему скажет хозяин, принимая всё за чистую монету.

Практически никто из старых знакомых фон Гойзнера не знал о существовании мальчика-раба. Светская Европа считала вдовца безутешным отшельником, который после преждевременной кончины своей прекрасной Элизабет, обособился в их траурном поместье подальше от всех, наслаждаясь чистотой воздуха австрийской глубинки. Пусть так и остаётся для всех. Истина шокирует всякого, кто не бывал в Бразилии и не сведущ в иных точках зрения на вопросы, касательно темы рабовладения и торговли людьми. Империалистический Старый Свет, переплавившийся в жерле революций, отринул вековые традиции, попиравшие права и свободы одних людей ради выгоды и наживы других. И будучи

высокообразованным человеком, Герберт был абсолютно солидарен с неприятием идей рабства. Но соблазн обладания подобного рода был чрезмерно велик для него и непреодолим.

Как и подобало интеллектуалу и филантропу, он принялся обучать Жана наукам и музыке. К удивлению Герберта, мальчик обладал действительно хорошим слухом и быстро схватывал то, чему обучался. Так же, чтобы занять ребёнка, не давая ему много свободного времени для ненужных мыслей, он учил его готовке, постепенно переложив все дела по ведению хозяйства на юные плечи того. И даже уход за территорией вокруг особняка. Мальчик был действительно счастлив, и иногда думая об этом, Герберт ловил себя на мысли, что стал бы отличным отцом. И мог бы быть таким для Жана. Но факт произведённых им развратных действий в отношении этого мальчика уже был необратим, и он не сможет так просто забыть об этом и возможности вновь всё повторить, не опасаясь наказаний и каких бы то ни было последствий для себя.

Власть над этим маленьким чёрным ребёнком завладела Гербертом, подчинив себе его сердце, разум и душу. Если бы только сам он верил в душу. Но вопрос веры мало беспокоил его, куда важнее было сохранять и укреплять веру в волшебство у Жана. С каждым новым месяцем тот всё больше общался с «зачарованными» предметами, как с живыми друзьями. И задавал всё новые и новые вопросы о них. Мужчи-

на с удовольствием придумывал ответы, обрисовывая детали легенд, воспринимая эту часть испытанием и тренировкой собственной фантазии и воображения. Ему даже подумалось, что роль писателя ему тоже бы подошла, и он с ней отлично бы справился.

Незаметно недели сменялись месяцами, а месяцы улетали прочь, сменяясь годами.

Ритуалы Герберта уже обходились без темноты и повязок, а Жан выполнял многое, о чём с Элизабет его хозяин мог только мечтать. А самое главное, мальчик был убеждён, что это помогает ему и потому выполнял всё с полной самоотдачей.

К пятнадцати годам Жан стал высоким и красивым юношей, который вкусно готовил, знал несколько языков и был прямо-таки на все руки мастер. И, конечно же, обладал отменным вкусом и отличными манерами, как и его господин.

Сам Герберт вернулся к своему уже подзабытому изобретению, стараясь придумать то, как же воплотить идею в жизнь. К этому он подключил и Жана, ведь смекалистый и усердный мальчуган, зачитывающийся трудами о физике, химии и математике, способен был помочь ему, как никто другой. Да и две головы всегда были лучше одной.

Вечера они проводили за обсуждением и разработкой электрических схем, поиском подходящей реализации и составлением перечня необходимых деталей и компонентов.

На несколько дней в две недели Герберт покидал поме-

стье и отправлялся в город, как и все годы до этого. Там он приобретал хозяйственные принадлежности и продукты, брал несколько новых газет и общался со старыми знакомыми. Он никогда не переживал о том, что Жан остаётся один, ведь сам мальчик считал иначе.

Однажды в одну из таких поездок у него случилась встреча с многоуважаемым заведующим кафедры искусств очень respectable столичного высшего заведения. В ходе этой встречи Герберту было предложено стать ректором Венского Университета и читать лекции тысячам студентов со всей страны, да и всей Европы. Сочтя подобное предложение интересным, он согласился.

С тех пор Герберт перебрался в Вену, навещая поместье только на выходных, да и то далеко не каждых. Он не волновался за Жана, ведь тот был обеспечен всем необходимым для жизни, а постоянная занятость юноши не даст ему заскучать. К тому же, мальчик загорелся идеей хозяина о «визуализаторе музыки». Да, название было так себе и требовало доработки, но временно годилось.

Страсть, с которой тот подошёл к поиску решения проблемы господина, смущала Герберта, ведь, хоть то и было его изобретением, сам он не так увлечённо занимался реализацией проекта. Да, он знал, что это будет фурор, а его имя войдёт в историю, когда мысль станет действительностью, но это не сильно мотивировало его. Видимо, возраст своё брал.

Он так хорошо узнал их за это время. Каждого. Ричард не любил, когда пыль собиралась у самого циферблата, а Кэрол обожала, когда ласкали её клавиши. Братья Ганс и Кристофер любили, когда осыпавшиеся жёлуди были убраны из-под их глаз. А ворчливый Мориц никогда не был ничем доволен, и скрежетал постоянно в подвале, стоило только заставить его работать, потому он терпеть не мог зиму, ведь именно в эту пору обогрев дома ложился на его плечи.

Жан прекрасно понимал, что это простые вещи, но безоговорочно верил, будто человеческие души были заточены в каждой из них. Как и верил в собственное проклятье. Ему даже полюбился ритуал, который стал доставлять ему удовольствие.

Господин дал задание, и оно радовало Жана. И злило безмерно, так как заставляло чувствовать себя глупым. У него было смутное представление, как сделать то, о чём мечтал хозяин, но он всё никак не мог до конца сообразить принцип функционирования придуманного тем механизма. Но ему очень хотелось оживить ноты, придать им человеческие очертания и заставить танцевать, паря над водной гладью. В поместье господина даже был большой красивый бассейн, сооружённый как раз для этого, выполненный подобно сцене.

От хозяина Жан слышал, что тяжёлые времена пришли

в Австрийскую империю. Зрела революция, а среди студентов в университете, где тот преподавал, ходили очень эксцентричные настроения. Он сам в этом мало понимал, ведь внешний мир для него оставался загадкой, решить которую он не сможет никогда из-за своего проклятия. Да и социальная среда хозяина его не так будоражила, как точные науки.

Днями напролёт Жан проводил опыты по химии и физике, мастерил и высчитывал. Само собой, не забывая позаботиться о друзьях и о себе, ведь господин строго-настрога велел ему хорошо питаться, чтобы оставаться здоровым и способным противодействовать своей проклятой природе.

Его изыскания давали плоды. Он сумел создать с помощью систем зеркал, лучей света и проводов устройство, реагирующее на колебания струн Кэрол, спрятанных под её крышкой, способное отражать призрачные проекции световых пятен над водной гладью бассейна-сцены прямо в воздухе.

Это было восхитительно. Но недостаточно. Необходимо было заставить их кружить под музыку, а затем придать полноценные человеческие образы.

Благодаря господину, Жан умело обращался с кистью и пером, потому нарисовать красивую даму или кавалера ему не составило бы труда. А вот техническая часть решения задачи ему давалась куда сложнее. Но он не сдавался, а только упорнее принимался за всё новые и новые научные труды, в поисках подходящего решения.

Так тянулись месяцы. За окном природа меняла сезоны, а внутри всё оставалось неизменным. Пока однажды господин не приехал домой вместе со спутницей. Её звали Софи. Правда, она не знала о его существовании, а он должен был делать всё, чтобы так и продолжалось.

Часто он следил за ней, когда она гуляла во дворе то в нежно-голубом платье, то в розовом, воздушная и лёгкая. Видимо, хозяин решил спасти и её, так как тоже проводил с ней ритуалы у себя в спальне. Жан только удивлялся тому, кто мог проклясть столь очаровательную девушку?! У него не укладывалось это в голове.

Ещё он заметил за собой кое-что странное и необычное. Ему приходилось прикладывать усилия, чтобы думать о чём-либо, кроме Софи. Даже чтение доселе столь увлекательных научных работ по химии, которыми он прежде зачитывался с настоящей страстью, не занимало его более.

Все его мысли захватила гостя господина.

Так как территория поместья была большая, у Жана имелось множество способов избегать встреч с Софи и тайком следить за ней. Когда же она шла спать, хозяин разговаривал с ним, работал над проектом и без конца извинялся за свою гостью, обещая, что она не задержится надолго. Сам Жан не понимал, отчего господин чувствует себя таким виноватым перед ним, ведь если Софи нужна помощь колдуна, то было просто необходимо её оказать. Сколько бы это не заняло времени.

Об этом он и сообщил господину, желая успокоить того. Удивление и недопонимание на его лице заставили Жана почувствовать неловкость. Но вскоре хозяин понял, о чём говорит его слуга, и засмеялся, хлопнув того по плечу.

– Точно-точно, мой милый Жан! Ты, видимо, подсмотрел наш с Софи... ритуал.

Они приблизились к решению задачи настолько близко, что трепетность успеха уже щекотала душу каждого из них. И Жан был уверен – если бы хозяин не отвлекался на гостью, они бы уже создали рабочий прототип устройства. Названия у него пока ещё не было, хотя уже проскакивали несколько раз предварительные варианты – визуализатор оперы, магическая опера, люкс-спекулум. Последнее было на латыни и означало «световое зеркало». Оно особенно нравилось Жану, хоть и не охватывало все тонкости устройства. Но как бы ни было волнительно создание чего-то столь необыкновенного, стоило только юноше оказаться один на один со своими мыслями, как тут же в них корону первенства забирала Софи.

Его молчаливые друзья не могли помочь ему справиться со своими непонятными чувствами, только Кэрл слегка успокаивала его, когда он поигрывал её клавишами. Но играть было нужно так, чтобы гостья не услышала звуки фортепиано. Жану внезапно стало тесно в огромном особняке господина. Ему хотелось бежать отсюда прочь, пусть это и грозило ему смертью от проклятия. Ему хотелось убежать от

той, к кому его так тянуло.

– Ого, здравствуй, я не думала, что ты такой... Чёрный. Женский голос заставил его подскочить от неожиданности.

Софи вошла в комнату, по-кошачьи бесшумно передвигаясь по паркету.

– Я догадывалась, что здесь живёт ещё кто-то, с кем пропадает профессор, но никак не полагала, что это будет столь изысканный юноша. – она приблизилась к Жану, кокетливо коснувшись его плеча.

Он был растерян. Софи была немногим старше его, но сам он значительно превосходил её ростом.

– Сыграй мне, пожалуйста, герр музыкант! А то я скоро с ума сойду от скуки... – она закатила глаза и медленно провальсировала в сторону от него.

Жана не нужно было просить дважды, ведь он давно уже хотел излить музыку из Кэрол, не стараясь таиться. Он решил сыграть мелодию, которую придумал сам. Его тонкие пальцы бегали по клавишам с такой лёгкостью и быстротой, что Софи не могла за ними уследить. Юноша не видел, как поразила её его музыка, да и он не смотрел. Его душа прорывалась с каждой нотой, с каждым вздохом Кэрол, делая его свободным и счастливым.

Когда он доиграл композицию, то почувствовал тепло ладони девушки у себя на спине.

– Это было прекрасно... Как твоё имя. – он повернулся к

ней и оказался лицом к лицу с гостьей. – Меня зовут Софи.

Он был очарован её глазами, которые вблизи казались непомерно глубокими горными озёрами, какими те, наверное, должны быть – лазурная синева и кристальная прозрачность.

– Жан... – еле слышно проговорил он.

– Красивое имя, Жан. – и она прильнула губами к его губам.

Юноша не отпрянул, но удивился. До этого только хозяин делал так, когда ритуал был особенно долгим.

– Я испугала тебя, Жан? – она так нежно произнесла его имя, что волна жара словно прошла по всей его коже.

– Нет, Софи. Это было приятно.

– Отлично... – сказала она и поцеловала его снова, на этот раз обвив шею Жана руками и опустившись к нему на колени.

Всё остальное произошло столь стремительно, что юноша даже не сумел осознать, чем это было. Действие, которое они совершили с гостьей хозяина, точь-в-точь повторяло ритуал, только на этот раз именно Жан был тем, кто его проводил. И ему было значительно приятнее взять на себя роль колдуна.

Они лежали на полу, нагие и довольные, капельки пота устилали их тела.

– Почему ты скрываешься всё время? Я впервые тебя увидела только сегодня, хотя уже довольно много времени пребываю в гостях у профессора Герберта.

– Мне нельзя показываться людям.

– Но, вот, я тебя увидела. И даже больше. В чём же причина?

Он задумался. А ведь действительно, он впервые на этой стороне океана встретил кого-то ещё, кроме хозяина. Но ничего не произошло. Он не стал чудовищем, не погиб страшной смертью, проклятье никак не проявило себя. Возможно, дело было в том, что Софи тоже проклята, да и находятся они в магическом месте – особняке господина.

– Я думаю, что дело в нас и в этом месте.

Софи легла на него сверху, прижавшись всем телом к нему. Её нежные и упругие груди приятно легли ему на грудь. Она с любопытством посмотрела ему в глаза.

– А что с нами не так и с этим местом, Жан?

– Ты и сама знаешь. – он не понимал, зачем она играет с ним, но решил подыграть. – Проклятие не властвует над нами внутри стен дома хозяина.

– Хозяина? Проклятие? – девушка выглядела заинтересованной, будто узнала нечто новое. – Расскажи-ка об этом подробнее, прошу.

Жан вздохнул. Ему не хотелось сейчас говорить об этом, но отказывать прекрасной Софи он не смел.

– Да, мой господин привёз меня сюда из Бразилии, где выкупил у моего прежнего хозяина. Я был ещё мал и почти ничего не помню о том времени, разве что отрывками холод, голод, боль и колючую солому, на которой я спал. Оказав-

шись здесь, я узнал от господина страшную правду о себе – меня прокляли ещё в детстве, потому я не похож ни на кого по эту сторону океана и ни в коем случае не должен покидать территории поместья хозяина, чтобы не погибнуть. Чтобы проклятье не поглотило меня, он проводит ритуал. Я и подумать не мог, что однажды сам проведу ритуал. Наверное, магия этого места сделала меня настолько сильным.

Софи сползла с него и накинула на себя платье. Она выглядела испуганной.

– Что случилось, Софи? Я сделал что-то не так?

Помолчав некоторое время, девушка обратилась к Жану, и он заметил дрожь в её голосе.

– Как давно Герберт делает это с тобой? Этот... ритуал?

– С тех самых пор, как я оказался здесь. Но ты не должна бояться. Уверен, это не должно никак отразиться на тебе и твоём проклятии.

Он встал и оделся. Ему хотелось успокоить Софи, чтобы она перестала нервничать. Жан взял её за руку.

– Ты с кем-нибудь общался ещё, кроме меня и профессора, Герберта?

– Нет, ты первая. Но, говорю тебе, это не должно никак сказаться ни на тебе, ни на мне.

– Брось! Ты же умный, я вижу, что умный. – она высвободила свою руку и положила обе ладони ему на грудь, смотря в глаза. – Нет никакого проклятия. И не было никогда. Я здесь по собственной воле и могу уйти в любой момент, не пере-

живая ни о чём. А ты... Бедный мальчик... – слёзы потекли по её щекам. – Ты стал жертвой жестокой игры мерзавца.

– Что ты такое говоришь? – Жан совсем не понимал её, как и того, зачем она говорит всё это. Он схватил её запястья. Незаметно для себя, его хватка сделалась железной.

– Отпусти, пожалуйста, ты сжимаешь мне руки слишком сильно. Мне больно!

Он не отпустил. Всё, что имело для него значение, всё, о чём он мог думать, были слова Софи о том, что нет никакого проклятия.

– Почему ты сказала это? Почему ты мне так нагло солгала? Проклятия нет? Но я ему подтверждение!

Девушка, приложив немало сил, вырвала свои руки из цепкой хватки Жана, после чего отвесила тому сильную пощёчину.

– Приди в себя! Тебя использовали всю жизнь. Можешь мне и дальше не верить, но я собираю вещи и ухожу отсюда прочь сегодня же. Советую тебе поступить так же!

Затем, совершенно неожиданно для ошарашенного юноши, она обняла его и сказала:

– Как только доберусь до города, попрошу помощи у своих друзей. Мы поможем тебе, слышишь? Мы освободим тебя, Жан.

Поцеловав его в щёку, Софи выбежала из комнаты прочь. Жан стоял, как вкопанный, не имея ни сил, ни желания сдвинуться с места.

«Неужели всё обман? Неужели...»

Он вспоминал годы, проведённые внутри этого особняка, в котором он знал каждый угол и дощечку. В памяти роились его долгие беседы с зачарованными друзьями, и он почти был уверен, что те отвечали ему.

– Кэрол? – он позвал сладкоголосую подругу по имени. Рука сама легла на клавиши инструмента и раздался пронзительный звук.

Жан с ужасом отшатнулся.

– Нет, нет, нет... – он схватился за голову, слёзы застилали ему глаза. Он только и повторял снова и снова это слово, пытаясь отгородиться от трещины, расползавшейся по его картине мира. Ему было необходимо удостовериться в наличии проклятия.

Жан побежал из комнаты, ни на секунду не останавливаясь. Он сбежал вниз по лестнице с такой скоростью, что чуть было не полетел кубарем. Не задумываясь и не медля, юноша выбежал из дома на улицу и побежал к воротам изгороди, которой была огорожена территория поместья хозяина. Впервые в жизни он оказался рядом с ними, не боясь последствий. Толкнув их, Жан вышел прочь.

Герберт не смог найти ни Софи, ни Жана. Это показалось ему странным, ведь сам он считал свой особняк не настолько

большим. Не найдя чем заняться, он направился к устройству, которое они с его слугой сделали.

Это была немыслимая вещь, действительно ни на что не похожая. Конечно же, в последнее время наука развивалась во всех направлениях безумными скачками, но то, что придумал Герберт, вызовет настоящий бум. Имя фон Гойзнера войдёт в историю. Печально, но его слугу-помощника никто и не вспомнит, ведь о нём и впредь никому не будет ничего известно.

Да, он сильно рискнул, приведя к себе в жилище легкомысленную студентку, но её красота и доступность, как и готовность к экспериментам в постели, отринули все аргументы против. А Жан сможет и далее оставаться незамеченным, ведь так ему приказал его хозяин.

Герберту иногда было противно от того, что он так использует мальчика, лишая его полноценной жизни. Но почти всегда его выручали мысли о том, что он спас Жана от ужасов рабства, воспитав его полноценным джентльменом, высокообразованным и умным человеком. И когда придёт время, он всё объяснит мальчику, непременно. Пусть это и будет сложно. А пока нужный час не пришёл, Герберту была нужна помощь его слуги, который обладал ясным умом и гибким мышлением.

Он запустил свой визуализатор оперы, как пока что называл устройство про себя. Механизм, работающий на электричестве, столь популярном теперь, загудел и начал про-

кручивать записанную на листке бумаги, покрытом воском, нотную запись, сделанную с помощью насечек тонкой иглой. Уже это – возможность записать и воспроизвести звук, делает Герберта небывало известным. Но этого мало. Он не хотел выводить свой труд частями, нет. Мир увидит и звуковое, и визуальное представление, какого ещё не было никогда.

В просторном зале, в котором располагался бассейн, звучала запись одной из композиций Герберта, для создания которой он пригласил в свой дом целый оркестр. Конечно, качество звука ещё было далёким от совершенства, но возникшие над водной гладью светящиеся нежным голубым светом размытые фигуры быстро сгладили впечатление. Они покачивались и кружили, словно в такт музыке. А когда он найдёт способ придать им вид настоящих людей, устройство будет завершено.

Он мечтательно задумался и совсем не заметил, как в комнату вошёл Жан. Когда же Герберт обнаружил своего слугу, то сразу обратил внимание на странный вид того. Обычно аккуратный и опрятный, юноша был одет так, словно лишь для вида и на скорую руку накинул на себя первое, что попало на глаза. Его волосы неряшливо торчали во все стороны, а на лице застыло нечитаемое выражение, словно оно было из воска.

– Жан! Мальчик мой! – воскликнул Герберт, удивлённый такому появлению своего слуги. – Что случилось? Ты в порядке?

В ответ он не получил ни звука. Жан застыл, наблюдая за движущимися огнями.

– Что бы ни произошло, я здесь, готов тебя выслушать. – Герберт приблизился к нему и аккуратно взял за локоть.

Словно ужаленный, мальчик отскочил от хозяина, одёрнув свою руку. Совершенно безумным взглядом Жан уставился на него. Слезы текли по его щекам.

– Всё было ложью... – прошептал он.

Сердце Герберта сковало льдом. Видимо, случилось то, чего он в глубине души боялся – мальчик узнал правду. Но как?

– О чём ты, Жан? Кто обманул тебя? – он старался выглядеть удивлённым, действительно непонимающим, о чём тот говорит.

– Вся моя жизнь была ложью... – кулаки мальчика сжимались и разжимались. На лице появилось гневное выражение.

– Что именно ты называешь ложью, мальчик мой?

Герберт надеялся, что сумеет наладить контакт с Жаном, успокоить его, а затем подведёт к конструктивной беседе. Он верил, что способен на это.

Но Жан, с резкостью дикой кошки, вцепился руками в шею хозяина, выкрикнув в ответ одно единственное слово:

– Всё!!!

Они оба повалились на пол.

Герберт безуспешно пытался оторвать цепкие пальцы слуги от своей шеи, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. Он

не решался бить мальчика, чтобы освободиться. А когда понял, что тот не собирается останавливаться, было уже слишком поздно.

В его глазах всё потемнело, и через мгновение он лишился сознания.

Софи пришлось вернуться к дому профессора, так как она забыла очень дорогую брошь, которая являлась подарком ей от почившей матери. Она не хотела натолкнуться на профессора, ведь пришлось бы объясняться, отчего она так скоро и незаметно покинула его поместье. Но и оставлять ценную для себя вещь в этом сумасшедшем доме девушка не хотела.

Она на самом деле решила помочь Жану. Её друзья будут рады освободить несчастного и принять его в свой круг, дав тому защиту и приют. К тому же, пусть и чёрный, но этот юноша впечатлил Софи.

«Он точно не пропадёт...» – подумала она, осторожно толкнув входную дверь.

Её внимание тут же привлёк звук оркестра. Девушке стало любопытно, что за концерт организовал Герберт, ведь она не видела карет у входа, кроме той, что принадлежала хозяину дома.

Пойдя на звук, она очутилась в просторной комнате, в которой никогда прежде не была. Хотя и звучала музыка, са-

мих музыкантов нигде не было. Зато Софи увидела Жана, стоявшего с зажжённой керосиновой лампой в руке. У его ног лежал человек. Присмотревшись, девушка с ужасом поняла, что это был профессор.

Потом её внимание привлекли двигающиеся в разных направлениях светящиеся фигуры, отдалённо напоминающие человеческие. Они скользили по водной глади бассейна, установленного в этой комнате, вырисовывая пируэты в такт музыке.

Софи в ужасе попятилась.

– Что здесь происходит?

Жан медленно повернулся к ней. Его щёки были мокрыми от слёз, а глаза словно не принадлежали ему. Они были страшно выпучены и точно принадлежали сошедшему с ума.

– Они убили хозяина, прекрасная Софи. – он говорил спокойно и без какой-либо эмоциональной окраски. – Мои друзья убили его.

Девушка, испугавшись за свою жизнь, выбежала прочь. Она разом забыла о броши, так как перед глазами стоял образ обезумевшего чернокожего юноши, который убил своего хозяина. Ей было необходимо срочно уехать отсюда подальше, позвать кого-нибудь. На этот раз Софи взяла одну из лошадей Герберта, разумно предположив, что он возражать не станет.

Помчав во весь опор, она оглянулась на прекрасный особняк профессора. Дым поднимался над ним, вырываясь из

ОКОН.

В дверях стоял Жан.

– Нет! Жан, уходи оттуда! – она остановила лошадь и развернула её обратно. Пусть юноша и стал убийцей, но не заслуживал смерти. В конце концов, тот, кто её точно заслужил, уже был мёртв.

– Жан!

Юноша не услышал её, или он сделал вид, что не услышал. Медленно он вошёл в пылающий особняк и скрылся в клубах чёрного дыма.

Софи остановила лошадь и спустилась на землю. Она была в достаточном отдалении от дома, но даже здесь чувствовала жар пламени. Молодой человек уже точно был мёртв.

– Что же ты наделал, глупый... – она не была из плаксивых и даже саму себя считала легкомысленной. Но сейчас с удивлением обнаружила, что плачет.

С громким треском обвалилась крыша, разметав множество горящих искр.

Девушка подумала, что теперь и сам Жан стал этими искрами, свободно летящими, куда их понесёт ветер, и гаснущими столь быстро.